

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Замок Броуди

Звезды смотрят вниз

Ключи Царства

Цитадель

Памятник крестоносцу

*Песенка в шесть пенсов
и карман пшеницы*

Арчибальд
Кронин

ПЕСЕНКА
В ШЕСТЬ
ПЕНСОВ
И КАРМАН
ПШЕНИЦЫ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 83

A. J. Cronin
A SONG OF SIXPENCE
Copyright © A. J. Cronin, 1964
A POKETFUL OF RYE
Copyright © A. J. Cronin, 1969
All rights reserved

Перевод с английского И. Куберского

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13495-9

© И. Куберский, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство Иностранка®

ПЕСЕНКА В ШЕСТЬ ПЕНСОВ¹

¹ Название этого и следующего романа («A Pocketfull of Rye» — «И карман пшеницы»), продолжающего историю главного героя Лоуренса Кэрролла, взято автором из старинной английской детской песенки, начинающейся так: «Sing a song of sixpence, / A pocket full of rye...» (*Здесь и далее примеч. перев.*)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К шести часам вечера дом наполнялся ожиданием, проясняя долгий, полный смутных грез день. Когда я вошел в гостиную, моя мама, занятая на кухне готовкой ужина, начала петь. Это было что-то о дочери мельника, которая умерла с горя. Она пела эти грустные шотландские песни так живо и с такой непосредственной радостью, что они казались веселыми. Чтобы посмотреть в окно, я встал на пуфик. Хотя на следующей неделе я должен был пойти в школу, мне все еще требовался пуфик.

Дорога к деревенской станции была пустой, если не считать собаки Макинтоша, спящей в тени сикоморы перед кузницей. За станцией, с ее клумбами турецкой гвоздики и желтой кальцеоларии, простиралась широкая полоса безлюдного берега; и, кроме того, эстуарий¹ Клайда оживлял в настоящий момент белотрубный колесный пароход, идущий вниз по течению от Брумило. Но вот кто-то обозначился на дороге, не тот, кого я ждал, но все же друг, и в самом деле, мой единственный друг Мэгги, или, как ее совершенно несправедливо звали «плохие» мальчишки, Безумная Мэгги, большая неуклюжая девочка тринадцати лет, увешанная бидонами с молоком от фермы Снодди, — она продиралась через прутья опущенного шлагбаума на железнодорожном переезде. Это был самый короткий путь, пользоваться которым мне строго запрещалось; я с упреком смотрел, как она тащится по дороге, начиная свой вечерний

¹ *Эстуарий* — широкое однорукавное (в отличие от дельты) устье реки, впадающей в море.

молочный обход. Минуя наш дом, один из четырех маленьких особняков, стоявших в ряд, она увидела меня у окна и под тупоебряканье бидонов махнула рукой в знак приветствия.

Только я начал махать в ответ, как услышал пронзительный свисток паровоза. Я тут же перевел взгляд и увидел шлейф пара, под которым медленно полз по рельсам на повороте темно-бордовый змей. Как бы с трудом переводя дыхание, он пыхал на платформу. В 1900 году у деревни Арденкейпл останавливались только самые медленные поезда Северо-Британской железной дороги.

Как это иногда случалось, мой отец был единственным пассажиром, который выходил здесь. Он шел энергичной поступью человека, любящего возвращаться домой, — полная жизни фигура, в которой даже на таком расстоянии безошибочно читалось своеобразное чувство стиля. На нем были коричневый костюм и темно-коричневые туфли, коричневая шляпа-котелок с загнутыми кверху полями и короткое палевое пальто. Когда он приблизился, собака подняла голову и, не зная предрассудков деревни, приветственно взметнула пыль хвостом. Затем с нарастающим ознобом приятного предвкушения я увидел пакет у отца в руках. Довольно часто после посещения клиентов в Уинтоне он приносил домой мне и матери на ужин нечто неизменно вызвавшее наш восторг: может, несколько гроздей винограда от Кольмара, или кусок лосося от Тэя, или даже кувшин кантонского зеленого имбирного напитка, — экзотические дары, вроде как указывающие на то, что отец и сам не прочь отведать чего-нибудь эдакого, что, конечно же, выходило далеко за рамки скромных стандартов нашей повседневной жизни; приподняв бровь и небрежно распаковывая эти дары, он тайком наслаждался нашими вопрошающими взглядами.

Дверь со стуком открывалась, и мама, сорвав с себя фартук, бежала встретить и обнять его, какового действия я не одобрял, хотя оно неизменно повторялось. Отец снимал пальто и вешал его на плечики — он всегда был аккуратен со своей одеждой, — затем входил на кухню, несколько отстраненно приподнимал меня и опускал. Мама ставила суп на стол. Это был шотландский мясной бульон — блюдо, которое особенно любил отец, но из которого, если бы позволили, я бы ел только горох, выложив его для начала вкруговую по краю тарелки. Затем пода-

вალась вареная говядина. Против местного обычая — и это было лишь одним из наших многочисленных нарушений строгих правил местной общины, в которой мы жили, — наша основная еда приходилась на вечер, так как у отца, проводящего весь день на ногах, редко бывала возможность перекусить чем-то бóльшим, чем сэндвич. Между тем с настроением, который мне показался необычным, даже слегка напряженным, он медленно разворачивал свой пакет.

— Ну, Грейс, — сказал он, — все решилось.

Мама перестала наливать бульон и побледнела:

— О нет, Конор!

Он посмотрел на нее с улыбкой, ласковой, но ироничной, и коснулся кончиков своих коротких светлых усов.

— Сегодня у меня была заключительная встреча. Я подписал контракт с Хагеманном. Вечером он отправляется пароходом в Голландию.

— О Кон, дорогой, это невозможно...

— Сама посмотри. Вот первый образец. Перед твоими глазами.

Он поставил на стол круглый стеклянный контейнер, спокойно сел, принял тарелку из ее услужливых рук и взял ложку. Я подумал, что мама, как это ни невероятно, вот-вот заплачет. Она без сил опустилась на стул. Смутно представляя себе, что произошло нечто ужасное, какая-то катастрофа, грозящая нарушить мир моего дома, я не мог оторвать глаз от этой круглой стеклянной бутылки. В ней был желтоватый порошок, а снаружи — этикетка с отпечатанным на ней красно-сине-белым флагом. Мама взяла себя в руки и подала мне суп.

— Но, Конор, — умоляюще сказала она, — у тебя же все так хорошо с Мерчисонами.

— Ты хочешь сказать, что я хорошо послужил *им*.

— Конечно. Опять же, они такие порядочные люди.

— Я ничего не имею против Мерчисонов, моя дорогая Грейси, но я устал снашивать каблуки на продаже их муки. Я отдал им добрых пять лет своей жизни. Притом что они были честными со мной. На самом деле это старый Мерчисон посоветовал мне взять агентство.

— Но, Конор, у нас ведь теперь все так хорошо... и так безопасно.

Отец снова поднял бровь, но не по поводу винограда от Кольмара. Эта таинственная бутылка наверняка должна была быть бомбой.

— Мы так никуда и не двинемся, оставаясь в удобстве и безопасности. А теперь будь паинькой, поешь, о деталях я расскажу позже.

Он наклонился к ней и похлопал ее по руке.

— Я слишком расстроена.

Мама встала и подала на стол вареную говядину.

Не заметив, что я так и не притронулся к бульону, она без всяких упреков убрала мою тарелку. Отец, с неизменно самоуверенным видом, спокойно и элегантно резал говядину. Худощавый, рыжеволосый, кареглазый, с теплым цветом лица и белозубой улыбкой под подкрученными усами, он был красивым мужчиной. Я смотрел на него с восторгом и часто был более чем впечатлен его дерзкими выходками, которые он совершал и глазом не моргнув. Но с моей стороны это не было любовью в полном смысле слова. Мое сердце принадлежало исключительно матери. Мягкий, робкий, вечно везде последний из-за своих болезней, начиная со свинки и кончая дифтерией, — до сих пор помню вкус карболового глицерина, которым доктор Дути смазывал мне горло, — связанный благодаря особым обстоятельствам нашей жизни тесными эмоциональными узами с матерью и нашим домом, я абсолютно заслуживал этот прискорбный эпитет: маменькин сынок. Однако и кто бы не стал им с такой матерью — тогда ей было не более двадцати четырех лет: невысокая и ладная, правильные черты лица, мягкие каштановые волосы, генцианово-голубые глаза и та естественная грация во всех движениях, которая, по моему детскому разумению, как бы и объясняла ее имя¹. Но прежде и больше всего меня держал в плену ее взгляд, в котором были доброта и благодать.

Теперь, подперев рукой подбородок, она слушала отца, который в единственном числе творил свой праведный суд над говядиной.

— Ты должна признать, — убежденно говорил он, — что я не мог упустить этот шанс... горчица, спасибо тебе, дорогая... Мы находимся накануне революции в хлебопекарной индуст-

¹ *Грейс* (англ. Grace) — буквально: «грация, привлекательность».

рии. Старомодному методу закваски приходит ко-нец, конец. — Когда отец хотел быть внушительным, он часто для начала произносил слово по слогам.

— Но, Конор, у нас ведь отличный хлеб!

Отец, с удовольствием жуя, покачал головой:

— Ты не знаешь, как часто я видел скисшую закваску. Которая пузырится из бочек. И целая партия хлеба полностью испорчена. Уничтожена. Просто одна пена дистиллятора. Новый процесс сделает хлеб дешевле и лучше. Все пойдет как надо. Подумай о такой перспективе, Грейс, с моими-то налаженными связями. Да ведь я знаю каждого пекаря на Западе. Я буду первым в этой области. И притом работая на себя.

Мама продолжала свое:

— Ты вполне уверен в мистере Хагеманне?

Отец кивнул, с полным ртом:

— Такой не подведет. Я могу импортировать у него из Роттердама на самых выгодных условиях. Кроме того, он дал мне авансом половину всей суммы для старта. Разве дал бы, если бы не полагался на меня?

В глазах мамы возник слабый свет доверия, и на лице ее — выражение робкой надежды. По окончании ужина она не встала, чтобы убрать со стола. Отец не последовал обычной привычке уделить мне полчаса — это гибкое время часто становилось растяжимым из-за моей назойливости, — прежде чем я отправлялся в постель. Не считая короткой прогулки перед сном, отец по вечерам не покидал дом. После долгого дня, проведенного в обществе людей, являвшихся его друзьями, отец, похоже, предпочитал побыть, как он говорил, у собственного очага. Кроме того, у него не было никаких причин выходить. Хотя у него были знакомые среди местных, он никогда не искал встреч в деревне, тем более каких-то дружб. Арденкейпл был для него, да и для всех нас, враждебным лагерем.

Наше вечернее общение было отчасти образовательным — именно он научил меня буквам алфавита, и он же потом поручал мне вычитывать, к нашей обоюдной выгоде, информацию из его любимого альманаха «Энциклопедия Пирса»¹, и, однако,

¹ «Энциклопедия Пирса» — справочник на самые разные темы, выпускаемый в Великобритании с 1897 г. до настоящего времени.

в основном, по причине моих болезней, он старался просто развлекать меня. Обладая поразительно богатым воображением, он придумывал и рассказывал целые серии увлекательных приключений, в которых юный герой точно моего возраста, маленький и довольно хрупкий, но чуть ли не до невероятия смелый, демонстрировал чудеса храбрости, совершая подвиги в тропических джунглях или на пустынных островах среди первобытных племен и дикарей-людоедов, причем время от времени отец вставлял замечания, адресованные моей маме, которые обычно были связаны с естественным видом и облачением темнокожих женщин племени и которые, притом что я меньше всего понимал их значение, заставляли ее смеяться.

Однако сегодня вечером, поскольку родители продолжали свой разговор, я понял, что мне не светит перспектива быть принесенным в жертву на людоедском празднестве, и, встретив взгляд отца, когда он сделал паузу, я тоном обиженного и всеми забытого внезапно спросил:

— А что там в бутылке?

Он улыбнулся с необычной доброжелательностью:

— Это дрожжи, Лоуренс. Точнее, королевские голландские дрожжи Хагеманна.

— Дрожжи? — в недоумении повторил я.

— Именно так. — Он с достоинством кивнул. — Живое вещество, состоящее из бесчисленных живых клеток. Да, сама сущность жизни, можно сказать, организм, который растет, набухает, превращает крахмал в сахар, сахар в спирт и углекислый газ и таким образом заквашивает состав нашей жизни. Изготовлены, — вдохновенно продолжал отец, — в минеральном сахарно-солевом растворе — вот что такое мои королевские голландские дрожжи; современная технология, намного превосходящая метод зернового сусла, дает уникальную возможность для внедрения совершенно нового процесса, который в корне преобразует хлебопекарную индустрию Шотландии.

Отец говорил таким тоном, будто это он сам изобрел дрожжи, и я еще долго считал, что так оно и есть. Его явно подготовленное выступление оставило меня безмолвным. Мама, казалось, тоже нашла подобный пафос чрезмерным или, по крайней мере, достаточным для меня в настоящий момент. Она встала

и, хотя часы на каминной полке уверяли меня, что еще далеко не мое время, непререкаемо объявила, что мне пора спать.

Обычно это был длительный процесс, затягивавшийся благодаря тому, что я находил сотню причин, чтобы удержать маму, и усложнявшийся всеми видами предрассудков и уловок, придуманных мною для самозащиты, которые, хотя и недостойны перечисления, можно себе представить по первому действию, когда следовало убедиться, что под моей кроватью не прячется боа-констриктор (удав обыкновенный). Однако сегодняшнее явление дрожжей отвлекло меня от моих церемоний и крайне обидным образом сократило все мои ухищрения.

Даже когда я уже был в постели и мама пожелала мне спокойной ночи, оставив, как положено, приоткрытой мою дверь, эта странная субстанция, таинственно вторгшаяся в наш дом, продолжала брожение в моем сознании. Я не мог заснуть. Лежа с закрытыми глазами, я видел дрожжи, работающие в колбе, — они пузырились и пенились, пока не взрывались, превращаясь в пухнувшее желтое облако, которое нависало над нашим домом, принимая форму джинна из бутылки в одной из историй моего отца. Мне было не по себе. Было ли это предвидением какого-то странного образа будущего?

Хотя они и говорили тихо, возобновившаяся беседа родителей доходила обрывками из-за незакрытой двери в мою узкую спальню. Время от времени я слышал впечатляющие и тревожные фразы: «подальше от этой проклятой деревни»... «займись снова музыкой»... «он бы поехал в Роклифф, как Теренс»... И наконец, уже почти засыпая, я услышал, как отец заявил своим самым серьезным и решительным тоном:

— Подожди, Грейси, мы им покажем... бьюсь об заклад, что они больше не смогут так относиться к нам. Однажды они помирятся с тобой. И скоро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сколько недель я страстно желал пойти в школу — это приключение, в сияющих красках расписанное моим отцом, откладывалось лишь из-за моей подверженности самым распрост-

раненным микробам. Но теперь, когда день настал, меня охватила паника. Пока мама наводила последний глянец, застегивая мне пуговицы на новых синих брюках из саржи и одергивая вязаный джемпер, я со слезами на глазах умолял ее не отпускать меня. Она рассмеялась и поцеловала меня.

— С Мэгги у тебя все будет в порядке. Смотри, вот твой новый ранец для учебников. Надень его, как настоящий мальчик.

Ранец, хотя и пустой, действительно поддержал меня. Я почувствовал прилив сил, однако чуть не подпрыгнул от внезапного стука в дверь.

На пороге стояла Мэгги, со своим обычным выражением, смиренным и приниженным, — спутанные локоны падали ей на глаза, взгляд которых был таким же туповатым, но трогательным, как у скота-молодняка горной Шотландии. Она была дочерью деревенской прачки, известной растрепы, от которой давно убежал ее муж и которая, оплакивая участь своего брошенного чада, сделала из Мэгги рабочую лошадку. Мэгги, одетая в старую, подрезанную снизу твидовую юбку, которую дала ей моя мама, с заштопанным на одном колене чулком, едва ли казалась со стороны хотя бы мало-мальски грациозной. Далеко не глупая, но, что называется, себе на уме и с тяжелым угрюмым характером, свидетельствовавшим о чрезмерном труде и дурном домашнем обращении, она подвергалась безжалостной травле со стороны деревенских мальчишек, кричавших «дура Мэгги» и все же опасавшихся ее, потому что у нее была крепкая рука, метко бросавшая собранную на берегу круглую гальку, которую Мэгги носила в кармане. Но для меня она была и наперсницей, и наставницей. Я действительно доверял ей, как и моя мама, которая любила Мэгги и всячески поддерживала ее. Несмотря на ее многочисленные обязанности — после школы редко кто видел ее без узла с бельем или без доспехов из молочных бидонов, которые после обхода она должна была начисто отмыть на ферме, прежде чем приступить к последнему своему заданию: покормить кур, — она была во время долгих летних каникул кем-то вроде моей няньки, забирала меня днем на прогулку в те дни, когда я в очередной раз выздоравливал. Мы совершали наше любимое паломничество вдоль берега, минуя по пути одинокий заброшенный коттедж со ржавой

решеткой для вьющихся растений, именовавшийся Роузбэнком, где, как оказалось, к моему вечному позору, я и родился. Как столь важное событие могло произойти в столь печальном здании, уразуметь я не мог, но, по-видимому, это было так, поскольку, когда мы проходили мимо Роузбэнка, Мэгги принималась в страшных, но убедительных деталях описывать, несомненно со слов своей матери, мое прибытие в сей мир темной и безотрадной ночью накануне субботы, дня отдохновения, когда шел дождь и был такой высокий прилив, что мой отец, отчаянно искавший доктора Дати с его маленькой черной сумкой, едва добрался до деревни.

— И хуже того, — Мэгги обращала на меня сочувственный взгляд, — ты пришел в этот мир не тем концом.

— Не тем концом! Но как это, Мэгги?

— Не головой вперед. Ногами вперед.

— Это плохо, Мэгги? — окаменев, спрашивал я.

Она мрачно кивала в подтверждение.

После этого унижительного разоблачения Мэгги взбадривала меня, уводя вдоль устья к скалам Эрскин, где, наставляя ничего не рассказывать маме, которая была бы потрясена, услышав, что ее любимое, но испорченное чадо травит свой желудок такой «гадостью», мы собирали свежие мидии, которые она жарила на костре из плавника, и они становились сладкими, как орехи. Новизна этой пищи уже сама по себе радовала меня, поскольку я был в каком-то смысле пресыщен; но для Мэгги, увы, недоедающей, это было желанной подкормкой, а затем, сняв свои стоптанные ботинки и длинные черные чулки, один из которых, хоть и заштопанный, был обычно с дыркой, она входила в серые воды залива и, шаря ступнями в илистом песке, нащупывала и раскрывала маленькие рифленые белые ракушки, сырое и дрожащее содержимое которых и поглощала на десерт, как устриц.

— Но они ведь живые, Мэгги, — протестовал я в смятении от боли, которую, должно быть, испытывали под ее острыми зубами эти невинные двустворчатые моллюски.

— Они ничего не чувствуют, — спокойно заверяла меня она. — Если ты быстро их раскусишь. А теперь поиграем в магазин.

Мэгги придумывала всевозможные игры и владела всеми местными ремеслами. Она могла делать свистки из ивы, плести замысловатые коврики из соломы, к чему мои пальцы были совершенно не приспособлены, и волшебным образом складывала из бумаги маленькие плотные кораблики, которые мы пускали по ручью Джелстон. Она также умела петь и хриловатым, но мелодичным голосом исполняла для меня самые популярные песенки, такие как «Прощай, Долли Грей» и «Жимолость и пчела».

Но из всех наших игр Мэгги больше всего любила играть в «магазин» — вот что ей никогда не надоедало. Когда мы, порыскав, выставляли на берегу все разнообразие наших находок — осколки раковин, семена дикого укропа, головки репейника и морские гвоздики, кучки белого песка, морские водоросли с пузырьками воздуха, мраморные камешки, — каждая из которых представляла собой отдельный товар, Мэгги становилась полным достоинства и важности продавцом, а я покупателем. При этом Мэгги, столь бедная и презренная, обретала уверенность и чувствовала себя чуть ли не богачкой. С гордостью хозяйки оглядывая сокровища своего магазина, перебирая набор прекрасных продуктов — чай, сахар, кофе, муку, масло, ветчину и, конечно же, белое в черную полоску мятное драже, — она забывала дни, когда ей приходилось утолять голод солоноватыми моллюсками, сырой репой с одного из полей Снодди или даже кожицей плодов шиповника и боярышника, что мы называли «подножным кормом».

Мы были счастливы вместе, и я чувствовал ее любовь ко мне, пока, внезапно подняв глаза во время нашей игры, не наткнулся на ее обращенный на меня удивленный взгляд человека, которого постоянно притягивает какая-то странность. Я знал, что затем должно последовать, поскольку полузадаченным-полусоболезнующим тоном она заявляла:

— Вот гляжу я на тебя, Лори, и до сих пор не могу поверить. Я имею в виду, ты так мало, ты почти совсем не отличаешься от нас. И твоя мать и отец тоже, они такие милые, что ты даже себе не представляешь.

Я опускал голову. Мэгги, в своей грубоватой добродушной манере, снова раскрывала одну из потаенных мук, которые омрачали мои ранние годы, в чем пора без дальнейших обиняков

признаться. Я был, увы, католиком. Мальчик, привязанный за руку и за ногу к скрежещущей колеснице папы, несчастный служка Блудницы¹, зажигатель свечей и ладана, потенциальный целовальщик большого пальца святого Петра. Мало того, мои родители и я были единственными последователями этой оскорбительной религии и, что еще хуже, единственными, кто когда-либо поселялся в этой неколебимо, исключительно правоверной протестантской деревне Арденкейпл. В этом тесном маленьком сообществе мы были столь же неуместны, как если бы были семьей зулусов. Мы были такими же изгоями.

Каково бы ни было отношение к моему отцу местной публики, которую он охотней дразнил, чем умирал, на себе я не испытывал ничего, кроме явного сочувствия или даже дружеского любопытства по поводу нашей странности. Тем не менее в понедельник утром, когда я столкнулся с перспективой школы, вышеупомянутая проблема сыграла свою роль в том, что я упал духом. И когда, после финальных увещаний со стороны мамы, Мэгги крепко сжала мою руку и мы отправились по дороге в деревню, я был в смятении. Мы прошли мимо кузницы, откуда заманчиво пахло жженым копытом — это подковывали лошадь, — но я даже не остановился посмотреть. Не увидел я и окон деревенской лавки, к которым любил прижиматься носом, изучая богатые россыпи разных леденцов, мятных шариков, «слим джимов»² и яблочных пирогов. Это был мучительный путь, еще более болезненный из-за того, что Мэгги вполголоса рассказывала о страшных наказаниях, которым подвергает учеников директор школы мистер Рэнкин — она дала ему прозвище Пин³.

— Он калека, — с сожалением продолжала она, покачав головой. — И неудавшийся священник. Ни то ни се! Но он кошмар с хлесталкой⁴.

Хотя мы шли медленно, однако вскоре оказались возле школы.

¹ Жена-в-багрянице, или Вавилонская блудница — презрительное прозвище, данное протестантами Римско-католической церкви.

² Жевательные конфеты.

³ Пин (*англ. Pin*) — заноза.

⁴ Кожаная лента с ручкой, применяемая для ударов по кистям рук в государственных школах Шотландии.

Это было маленькое старое здание из красного кирпича, с открытым двором и убитой каменистой землей, и, если бы не Мэгги, мне, конечно, следовало удрать. На поле для игр шло нечто подобное сражению. Мальчишки носились туда-сюда, боролись, кричали, пинались и дрались; девочки крутили скакалки, подпрыгивали и повизгивали; летали сорванные с голов кепки, подбитые гвоздями ботинки скользили и царапали камни, высекая из них настоящие искры, от шума и гама можно было оглохнуть. И самый крупный из «плохих» мальчишек, вдруг заметив меня, испустил дикий и душераздирающий вопль: «Гляньте, хто тут! Крошка папа!»

Это внезапное возведение на престол Ватикана ничуть меня не вдохновило — все замерло у меня внутри от дурных предчувствий. Еще секунда, и я буду окружен толпой рвущихся получить от меня нечто большее, чем апостольское благословение. Но от этой и других напастей меня защищала Мэгги, расталкивая толпу воинственно выставленными острыми локтями, пока внезапно не раздался звон, пресекавший этот гвалт, и на крыльце не появился школьный учитель с колоколом в руке.

Несомненно, это был Пин, его правая нога была деформирована и прискорбно короче другой — ее поддерживал двенадцатидюймовый стержень, прикрепленный к странному маленькому ботинку железным стременем, покрытым снизу резиной. К моему удивлению, учитель не вызвал у меня никакого страха. Несмотря на свои внезапные взрывы гнева и холерическую стукотню костяшками пальцев по столу, он, по сути, был мягким, заурядным, сломленным человечком лет пятидесяти, в очках со стальной оправой и с остроконечной бородкой, всегда в одном и том же куцем черном лоснящемся пиджаке (целлюлоидный воротничок и черный галстук, завязанный на вечный узел), в молодости учился на священника, но из-за своего уродства и склонности к заиканию не раз терпел поражение в пробных проповедях и в конце концов стал печальным примером этой в высшей степени шотландской неудачи, где ничто не могло быть хуже провала на ниве священства.

Однако до него меня не довели. Оторвавшись от основного турбулентного потока, Мэгги наконец передоверила меня помощнице учительницы начального класса, где мне, как и при-

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСЕНКА В ШЕСТЬ ПЕНСОВ	5
И КАРМАН ПШЕНИЦЫ	299

Кронин А.

К 83 Песенка в шесть пенсов и карман пшеницы : романы / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. И. Куберского. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-13495-9

Впервые на русском знаменитая дилогия Арчибальда Кронина!

«Песенка в шесть пенсов и карман пшеницы» — две первые строчки известной английской песенки, а также названия не менее известных двух произведений Арчибальда Кронина, созданных в лучших традициях «романов воспитания» Диккенса, Бальзака и Флобера. Рассказ о судьбе юноши из Шотландии, мечтательного, амбициозного и наивно-го отразил многие автобиографические факты из жизни автора. О его приключениях, победах и поражениях, потерях и обретениях, влюбленностях и разочарованиях Кронин повествует с теплым юмором и с тем проникновенным, вызывающим сочувствие и сопереживание реализмом, который отличает его оригинальный творческий почерк.

Читатель встретит здесь тот же яркий повествовательный дар, которым отмечены и другие романы автора, ставшие современной классикой, такие как «Замок Броуди», «Звезды смотрят вниз», «Цитадель» и многие другие.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ПЕСЕНКА В ШЕСТЬ ПЕНСОВ
И КАРМАН ПШЕНИЦЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Ирина Стефанович
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Валентина Гончар

Подписано в печать 20.06.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-21678-01-R